

УДК 1.13**Идеологический фактор в социальных науках Запада в XX в.****Кочесоков Роберт Хажисмелович**

Доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
360004, Российская Федерация, Нальчик, ул. Чернышевского, 173;
e-mail: robertkochesokov@yandex.ru

Культурбаева Любовь Мачраиловна

Кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры философии,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
360004, Российская Федерация, Нальчик, ул. Чернышевского, 173;
e-mail: kulturbaevalyubov@gmail.ru

Жуева Милана Зауровна

Ассистент кафедры философии,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
360004, Российская Федерация, Нальчик, ул. Чернышевского, 173;
e-mail: mairova2@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется роль идеологического фактора в социальных науках Запада в XX в. Утверждается, что прослеживаются четкие параллели между доминировавшими в западных социальных науках теориями на различных этапах, господствовавшими в этих странах идеологиями и проводившимся в тот период внешнеполитическим курсом. Выявлены и проанализированы механизмы и способы, позволявшие Западу создавать впечатление о «свободных социальных науках» на Западе и «идеологизированных социальных науках» в СССР. Подчеркивается, что на каждом этапе истории западной социальной науки во второй половине XX в. в ней присутствовали два пласта (уровня) научных исследований: (1) сугубо научные, раскрывающие определенные объективные тенденции, и (2) научно-идеологические, в которых на первый план выводилась идеологическая составляющая. Наличие двух пластов создавало впечатление о плюрализме научных подходов. «Настоящие» ученые могли пытаться постичь истину, но на политическое вооружение властями брались, как правило, научно-идеологические теории. При этом именно они и выдавались за последние достижения современной научной мысли. Отмечается, что на Западе государство осуществляло контроль над научными исследованиями не напрямую, а посредством финансирования через различные фонды и гранты, что также позволяло ученым чувствовать себя «независимыми» исследователями. Делается вывод о том, что государство, безусловно, должно управлять

научными исследованиями в области социальных наук в целях развития общества, однако должно делать это гибко и опосредованно.

Для цитирования в научных исследованиях

Кочесоков Р.Х., Культурбаева Л.М., Жуева М.З. Идеологический фактор в социальных науках Запада в XX в. // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2025. Том 14. № 6А. С. 44-52.

Ключевые слова

Идеология, социальные науки, теория тоталитаризма, теории модернизации, теория конвергенции, теория столкновения цивилизаций, теория культурной гегемонии.

Введение

Многие советские ученые в области социальных наук были уверены в том, что их западные коллеги в своих исследованиях могут быть гораздо более объективными, беспристрастными, свободными от идеологических «оков». Хотя на словах, публично они утверждали противоположное. К сожалению, в позднесоветский период «двоемыслие» глубоко проникло в сознание всех социальных групп, не были исключением и ученые.

Первые сомнения возникли сразу же после распада СССР, когда в США были резко сокращены расходы на исследования в области социальных наук, прежде всего, в политологии, а также закрыты практически все советологические центры и журналы [Крымская, 2012; Hanson, 2003]. Эти факты откровенно говорили о том, что социальные науки и советологические центры нужны были прежде всего в идеологических целях, и теперь надобность в них отпала. Да и само создание «советологии» как особой отрасли «науки» говорило о, мягко говоря, немалой роли идеологии в социальных науках [Крымская, 2012; Некрасов, 2000; Aron, 1965]. Когда же после распада СССР и отказа России от социалистической идеологии, а также несмотря на все попытки ее руководства наладить «нормальные» отношения с Западом резко критические, негативные тона в исследованиях России практически не претерпели особых изменений, наступило своеобразное «прозрение»: как тогда, так и сейчас западные социальные ученые являются, прямо или опосредованно, сознательно или неосознанно, активными участниками идеологической борьбы. В советское время все об этом говорили, однако не особенно верили. Вполне логично возникает вопрос о том, каким образом Западу удавалось создавать впечатление о «свободных социальных науках» на Западе и «идеологизированных социальных науках» в СССР. В данной статье предпринимается попытка разобраться в этом вопросе.

Основная часть

Как всем хорошо известно, из второй мировой войны СССР вышел с огромным авторитетом. Образы СССР и социалистической идеи пользовались огромной популярностью в мире. В этих условиях перед Западом стояла задача нейтрализовать и по возможности снизить популярность СССР и социалистической идеи. После создания атомного оружия силовые способы решения проблемы противостояния двух социальных моделей уже исключались, вследствие чего главная борьба развернулась в сфере идеологии. В целях дискредитации СССР на первый план в 1940-1950-е гг. была выведена *доктрина тоталитаризма* [Die Totalitarismus-Doktrin... 1985]. С

позиций Запада, несомненным достоинством доктрины тоталитаризма являлось то обстоятельство, что она позволяла подвести под общий знаменатель социализм (коммунизм) и нацизм [Некрасов, 2000]. Эта доктрина, с одной стороны, позволяла дискредитировать социализм и СССР, и, с другой стороны, легитимировала вмешательство в дела других государств под флагом защиты «свободного мира» от «коммунистической заразы».

На политической практике это вылилось в откровенное вмешательство США во внутрисполитическую борьбу в западноевропейских странах в тот период, а также в развязывание войн в Корее и Вьетнаме.

Несмотря на все старания Запада, влияние СССР возрастало, а влияние Запада, наоборот, падало. Более того, в 1950-1960-е гг. рушились западные колониальные империи, многие освободившиеся страны вставали на «путь социалистической ориентации». В этот период доминирующей в западных социальных науках становится *теория модернизации*. Характеризуя ее суть, Л. Поляков пишет: «Центральная посылка этой теории такова: постколониальный мир должен модернизироваться по образцам Запада лишь потому, что сам Запад на несколько столетий раньше проделал этот же путь под действием неумолимой исторической необходимости» [Поляков..., www]. Она преследовала две основные цели. Во-первых, по возможности снизить интерес к социалистической идее, подчеркивая, что во всех странах происходят идентичные процессы. Во-вторых, интерпретируя модернизацию как вестернизацию, создать новые формы зависимости освободившихся стран от Запада.

Так или иначе, эти теории легитимировали и обосновывали новый внешнеполитический курс Запада по отношению к странам «третьего мира». На смену откровенной колониальной политике приходит политика «мягкой силы», которая заключалась в привязывании освободившихся стран к Западу опосредованными путями и средствами.

В 1960-1970-е гг. на первый план выходят *теории конвергенции* и *деидеологизации*. Эти теории представляли собой своеобразные вынужденные уступки социалистической идее.

Теория конвергенции, с одной стороны, вынуждена была признать наличие определенных позитивных элементов в социалистической модели, но, с другой стороны, подчеркивала необходимость сохранения определенных элементов капиталистической (западной) модели. И. Кравченко пишет: «Сторонниками этой теории признавался позитивный опыт социализма в сфере экономического и социального планирования, в науке и образовании, который реально заимствовался и использовался западными странами (введение пятилетнего планирования во Франции при Ш. де Голле, разработка государственных социальных программ, создание т.н. социального государства в ФРГ и т.д.). В то же время эта теория предполагала, что сближение двух систем возможно на основе встречного движения, которое выражается в улучшении социальных и экономических основ капитализма, с одной стороны, и гуманизации социализма и даже введения элементов рыночной экономики – с другой» [Кравченко..., www].

Теория деидеологизации должна была показать, что борьба идеологий, выбор моделей развития завершились, человечество пришло к консенсусу относительно будущей, оптимальной модели.

Эти теории были направлены, прежде всего, на страны «второго мира», т.е. на социалистические страны. Тем более, что в этих странах также стал очевидным кризис социализма. Поэтому для внешнеполитического курса Запада того периода характерно идеологическое «переманивание» населения и, прежде всего, интеллигенции стран социализма.

После распада СССР и социалистической системы доминирующими становятся *теории конца истории*, *глобализации* и *столкновения цивилизаций*. Несмотря на кажущиеся различия между ними, они имели общую направленность. Сторонники теории конца истории очень

быстро забыли положения теории конвергенции, доказывая закономерность победы капиталистической (западной) модели над социалистической и однозначно отвергая последнюю [Фукуяма, 1990]. Приверженцы теории глобализации фокусировали внимание на неизбежности и закономерности глобализации, т.е. становления единого всемирного общества-государства. В условиях победы либерализма оно, разумеется, должно было быть либеральным. Однако идеологическая борьба раньше шла в рамках западной цивилизации, т.е. все прежние идеологии были, по сути, западными. Теперь в либеральный мир необходимо было включить и незападный мир. Поэтому, считалось, на смену идеологической борьбе приходит борьба цивилизационных ценностей, «столкновение цивилизаций» [Хантингтон, 2003]. Показательно, что автор «Столкновения цивилизаций» С. Хантингтон в свое время был видным представителем теории модернизации. Таким образом, эти теории имели две цели. Во-первых, необходимо было сплотить все страны западного мира, включая бывшие социалистические страны. Во-вторых, необходимо было исключить появление новых альтернативных идеологий, основывающихся на «незападных» ценностях.

На политической практике все это вылилось в навязывание Западом всем странам либеральных ценностей и порядков так называемого однополярного мира.

Мы намеренно изложили историю западной социальной науки во второй половине XX в. несколько однобоко, чтобы подчеркнуть наличие откровенной параллели между научными теориями и внешнеполитическим курсом Запада. Все сказанное было очень хорошо известно всем советским ученым – примерно так и преподносилась в тот период история западной социальной науки [Кортунов, 1974; На фронтах идеологических битв..., 1979]. Однако, как уже говорилось, такое изложение эволюции научных исследований большинством советских ученых не воспринималось всерьез как сугубо идеологическое видение проблемы. Поэтому теперь перейдем к вопросу о том, почему же в то время все представало в несколько ином виде, каким образом Западу удавалось создавать впечатление о свободе научных исследований ученых в области социально-гуманитарных наук на Западе и идеологической ограниченности их советских коллег. Представляется, что политика западных государств в отношении социальных наук хорошо вписывается в описанную А. Грамши теорию культурной гегемонии [Грамши..., www]. Выделим ряд наиболее важных черт.

Во-первых, на каждом этапе истории западной социальной науки во второй половине XX в. в ней присутствовали два пласта (уровня) научных исследований: (1) сугубо научные, раскрывающие определенные объективные тенденции, и (2) научно-идеологические, в которых на первый план выводилась идеологическая составляющая.

Поясним сказанное на примере. Как уже говорилось, в 1940-1950-е гг. на первый план была выведена доктрина тоталитаризма. Следует подчеркнуть, что эта проблема отнюдь не является выдумкой западных социальных ученых. На самом деле в первой половине XX в., наряду с «классическими» авторитарными и демократическими режимами, стали складываться необычные режимы [Кочесок, 1992]. Они, с одной стороны, пользовались огромной поддержкой большинства населения, т.е. по духу являлись демократическими. Но, с другой стороны, по применяемым ими методам и средствам правления их трудно было отнести к демократическим. В конечном итоге, эти режимы стали называться тоталитарными.

Но при этом ученых, исследовавших тоталитаризм, необходимо разделить на две группы. «Настоящие» ученые пытались понять, какова природа новых политических режимов, почему они возникают, почему люди их поддерживают, как они функционируют, и т.п. К ним можно отнести, например, Х. Арендт, Р. Арона, Х. Ортега-и-Гассета, Ф. Хайека и др. Так, Ф. Хайек откровенно подчеркивал, что в 1930-е гг. в Европе оставалось мало приверженцев либерализма,

практически все были увлечены идеологиями коммунизма, фашизма и нацизма [Хайек, 2005]. Конечно же, возникали такие вопросы, как: почему большинство отвернулось от либерализма, каким образом другим идеологиям удалось увлечь общество, и т.п.

Вторую группу составляют «ученые-идеологи». Эти ученые отличались от первых тем, что на первый план выводили идеологию. Идеология представляет собой, прежде всего, выбор ценностей. Наука стремится постичь истину, а идеология – сформировать определенные убеждения [Кочесок, Бижева, Маирова, 2024]. При изучении тоталитарных режимов эти ученые главное внимание уделяли подчеркиванию насильственных методов и средств правления, общих для этих режимов. Они стали рассматривать тоталитаризм как крайнюю форму авторитаризма. К ним можно отнести З. Бжезинского, К. Фридриха и др.

Отношение «настоящих» ученых к «ученым-идеологам» хорошо показано в воспоминаниях американского политолога С. Хэнсона. Вскоре после поступления в аспирантуру Калифорнийского университета в Беркли в 1985 г. он столкнулся с любопытным обстоятельством: «Вскоре я узнал, что мои коллеги, как правило, относились к советским исследованиям со смесью зависти и презрения. С одной стороны, те из нас, кто изучал СССР с его закрытым обществом, кажущейся странной институциональной структурой и отсутствием доступной и надежной статистики, были неявно освобождены от многих обычных методологических требований аспирантуры по политологии; тем не менее, мы, казалось, получали больше, чем положено, приглашений на конференции, стипендий и поддержки командировок. С другой стороны, многие из моих коллег явно подозревали, что “кремленология” была псевдонаукой, основанной на анализе “данных”, таких как количество джазовых пластинок в коллекции Андропова и процент членов Политбюро, носивших итальянские костюмы» [Hanson, 2003, 143-144].

Нельзя не обратить внимание и на то обстоятельство, что на слуху у всех были имена как раз «ученых-идеологов», а не «настоящих» ученых. К примеру, мало кто из обывателей не слышал о «Конце истории?» Ф. Фукуямы или о «Столкновении цивилизации» С. Хантингтона, хотя в научном плане их достоинства весьма сомнительные. Однако, благодаря СМИ и политической пропаганде, именно работы таких «ученых-идеологов» и выдавались за последние достижения современной научной мысли.

Наличие двух пластов создавало впечатление о плюрализме научных подходов, «настоящие» ученые могли пытаться постичь истину, но на политическое вооружение властями брались, как правило, научно-идеологические теории.

Примерно то же самое можно сказать и о доктринах и теориях, доминировавших на последующих этапах.

Во-вторых, на фоне не изменяющихся в течение многих десятилетий основ советской социальной науки череда смен теорий в западной социальной науке создавала иллюзию развития научной мысли. Хотя, как уже говорилось выше, на самом деле эта смена объяснялась, прежде всего, необходимостью по возможности снизить или свести к минимуму влияние советской идеологии. Справедливости ради необходимо заметить, что по вине советских руководителей, излишне идеологизировавших науку, советская социальная наука все больше и больше догматизировала, и отставала от требований, изменений жизни, не говоря уже об отставании от развития научной мысли.

В-третьих, на Западе государство напрямую не осуществляло контроль над научными исследованиями, тем более, не наказывало и не «поправляло» ошибающихся. Финансирование научных исследований, к примеру, в США, всегда проводилось и проводится, главным образом, посредством различных фондов и грантов [Очков, Вурихин, Муромцев, 1976; Миндели,

Черных, 2017]. Фонды могут быть государственными или частными. Государственные фонды дают заказы и, следовательно, ни у кого не возникает вопроса о том, почему государство может требовать выполнения заказа. Если не хочешь быть зависимым от государства-заказчика, никто не заставляет тебя обращаться в фонд. Ученый при желании может постараться получить гранты частных фондов. Но и в этом случае никто не может жаловаться, что ему отказали в финансировании или что его заставляют выполнять не интересные ему исследования. Таким образом, ученый чувствует себя как «независимый» исследователь.

Несколько иная ситуация сложилась в СССР. В одной из своих статей мы попытались объяснить, почему многие представители творческой интеллигенции, которым советская власть дала все возможные материальные и моральные награды, отреклись от нее и обвиняли в «недооценке» своих заслуг и в «преследованиях» [Кочесоков, Культурбаева, 2024]. Делался вывод о том, что в условиях тотального государственного финансирования культуры ее представители превращались практически в государственных служащих, и, следовательно, в недооценке своей значимости они закономерно обвиняли государство. В научной сфере ситуация была такой же: практически все научные исследования финансировались государством, вследствие чего ученые обвиняли в недооценке своих достижений государство. Да и рассматривали они себя как находящихся на службе у государства.

Заключение

Из сказанного некорректно было бы сделать вывод о том, что западные социальные науки «обслуживали» правящие круги, как подчеркивалось в советское время. Речь шла, собственно, не столько об ученых, сколько о государственном управлении наукой. Всегда были, есть и будут настоящие ученые, для которых поиск истины является главной целью. Точно так же всегда были, есть и будут «ученые», готовые обслуживать власти ради материальных и моральных выгод. Никакое современное государство не имеет перспектив, если оно не будет развивать науку и идеологию. Поэтому ему в равной мере нужны как ученые, развивающие науку, так и ученые, обслуживающие его в идеологических целях. Проблема заключается в том, чтобы государство, с одной стороны, было заинтересовано в развитии науки, и, с другой стороны, умело бы создавать у ученых чувство независимости в своих исследованиях. Добиться этих целей чрезвычайно сложно, но это некий идеал, к которому должно стремиться государство, желающее развиваться.

Библиография

1. Бжезинский З. Большой провал. Агония коммунизма // Квинт-эссенция: Филос. альманах. М.: Политиздат. 1990. С.256-277.
2. Грамши А. Тюремные тетради // URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Gramshi,tetradi.pdf> (дата обращения: 10.05.2024).
3. Картунов В.В. Идеология и политика: Битва идей и эволюция идеологических концепций антикоммунизма в 1950-1970 гг. М.: Политиздат, 1974. 287 с.
4. Кочесоков Р.Х. Феномен тоталитаризма. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1992. 104 с.
5. Кочесоков Р. Х., Бижева А.П., Маирова М.З. Идеология как особое явление духовной жизни Миссия конфессий. 2024. Том 13. Часть 6. (№79). С.14-21.
6. Кочесоков Р.Х., Культурбаева Л.М. Причины трансформации политического сознания советской творческой интеллигенции в период перестройки // Миссия конфессий. 2024. Том 13. Часть 4. (№77). С.113-117.
7. Кравченко И. Конвергенция теория // Электронная библиотека ИФ РАН. Новая философская энциклопедия. URL: iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/... (дата обращения: 10.12.2024).
8. Крымская А. С. Рецензия на монографию Дэвида Энгермана «Знать своего врага: взлёт и падение американских

- советологов» // Новейшая история России. 2012. № 2 (4). С. 262—269.
9. Миндели Л.Э., Черных С.И. Зарубежный опыт финансирования науки и возможности его использования в России. М.: ИПРАН РАН, 2017. 72 с.
10. На фронтах идеологических битв: Проблемы идеологической борьбы на современном этапе /Под ред. Модрижинской Е.Д. и др. М.: Политиздат, 1979. 254 с.
11. Некрасов А.А. Становление и основные этапы развития советологии: Текст лекций / Ярослав. гос. ун-т. Ярославль, 2000. 68 с.
12. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. №№ 3, 4.
13. Очков М.С., Вурихин Э.А., Муромцев В.М. "Филантропические" фонды — важное идеологическое оружие империализма. М.: Наука, 1976. 103 с.
14. Поляков Л.В. Модернизация социальная // Электронная библиотека ИФ РАН. Новая философская энциклопедия. URL: iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/... (дата обращения: 10.12.2024).
15. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990. 272 С.
16. Фукуяма Ф. Конец истории? // США: экономика, политика, история. — 1990. — № 5. С.134-148.
17. Хайек Ф.А. Дорога к рабству / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2005. 264 с
18. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М.: АСТ, 2003. 603 с.
19. Arendt H. The Origins of Totalitarianism. N.Y., 1951. 502 P.
20. Aron R. Democratic et totalitarisme. Editions Gallimard. 1965. 578 p.
21. Hanson S.E. Sovietology, Post-Sovietology, and the Study of Postcommunist // Demokratizatsiya. 2003. 11 (1). P. 142-149.
22. Rethinking the Soviet Collapse: Sovietology, the Death of Communism and the New Russia. / Ed. by M.Cox. London and New York: A Cassell Imprint, 1998. 294 p.
23. Die Totalitarismus-Doktrin im Anticommunismus: Kritik einer Grundkomponente burgerlicher Ideologie. Dietz Yerlag Berlin 1985. 256 S.

The Ideological Factor in Western Social Sciences of the 20th Century

Robert Kh. Kochesokov

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Head of the Department of Philosophy,
Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov,
360004, 173 Chernyshevskogo str., Nalchik, Russian Federation;
e-mail: robertkochesokov@yandex.ru

Lyubov' M. Kul'turbaeva

PhD in Philosophical Sciences,
Senior Lecturer, Department of Philosophy,
Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov,
360004, 173 Chernyshevskogo str., Nalchik, Russian Federation;
e-mail: kulturbaevalyubov@gmail.ru

Milana Z. Zhueva

Assistant Lecturer, Department of Philosophy,
Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov,
360004, 173 Chernyshevskogo str., Nalchik, Russian Federation;
e-mail: mairova2@mail.ru

Abstract

This article examines the role of the ideological factor in Western social sciences during the 20th century. The authors argue that clear parallels exist between dominant theories in Western social sciences at various stages, prevailing ideologies in these countries, and their foreign policy courses during corresponding periods. The study identifies and analyzes the mechanisms that allowed the West to create an impression of "free social sciences" in Western countries versus "ideologized social sciences" in the USSR. The article emphasizes that Western social science in the second half of the 20th century consistently contained two layers of research: (1) purely scientific studies revealing objective trends, and (2) scientific-ideological works where ideological components were foregrounded. This dual structure created an illusion of pluralism in scientific approaches. While "genuine" scholars could pursue truth, authorities typically weaponized scientific-ideological theories for political purposes, presenting them as cutting-edge scientific achievements. The authors note that Western states exercised control over scientific research not directly, but through funding via various foundations and grants, allowing researchers to maintain a sense of "independence." The conclusion stresses that while the state should indeed guide social science research for societal development, it should do so flexibly and indirectly.

For citation

Kochesokov R.Kh., Kul'turbaeva L.M., Zhueva M.Z. (2025) Ideologicheskii faktor v sotsialnykh naukakh Zapada v XX v. [The Ideological Factor in Western Social Sciences of the 20th Century]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 14 (6A), pp. 44-52.

Keywords

Ideology, social sciences, theory of totalitarianism, modernization theories, convergence theory, clash of civilizations theory, cultural hegemony theory.

References

1. Brzezinski Z. (1990) *Bol'shoy proval. Agoniya kommunizma* [The Great Failure: The Agony of Communism]. In: *Kvintessentsiya: Philos. al'manakh* [Quintessence: Philosophical Almanac]. Moscow: Politizdat, 1990. P.256-277.
2. Gramsci A. *Tyuremniye tetradi* [The Prison Notebooks]. Available at: <http://www.civisbook.ru/files/File/Gramshi,tetradi.pdf> (accessed 10.05.2024).
3. Kortunov V.V. (1974) *Ideologia I politika: Bitva idei I evolutsiya ideologicheskikh kontseptsii antikommunizma v 1950-1970 gg.* [Ideology and Politics: The Battle of Ideas and the Evolution of Ideological Concepts of Anti-Communism in the 1950s–1970s.]. Moscow: Politizdat, 287 p.
4. Kochesokov R.Kh. (1992) *Fenomen totalitarizma* [Phenomenon of totalitarianism]. Rostov-on-Don: RGU Publisher, 104 p.
5. Kochesokov R.Kh., Bizheva A.P. (2024) *Uchenie K. Marksa ob ideologii* [The K. Marx Doctrine on Ideology]. In: *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in the Development of Science and Education]. №112 (Part 4). P.181-185.
6. Kochesokov R.Kh., Kul'turbaeva L.M. (2024) *Prichiny transformatsii politicheskogo soznaniya sovetskoi tvorcheskoi intelligentsia v period perestroyki* [The reasons for the transformation of the political consciousness of the Soviet creative intelligentsia during the period of perestroika]. In: *Missiya konfessii* [Mission Confessions]. Volume 13. Issue 4. (№77). P.113-117.
7. Kravchenko I. *Konvergentsii teoria* [Convergence theory]. In: *Elektronnaya biblioteka IF RAN. Novaya filosofskaya entsiklopediya* [Electronic library of IPH RAS. New philosophical encyclopedia]. Available at: iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/... (accessed 10.12.2024).
8. Krymskaya A.S. (2012) *Retsenziya na monografiyu Davida Engermana "Znat' svoego vruga"* [Review on: Engerman D. Know your enemy]. In: *Noveishaya istoriya Rossii* [Modern history of Russia]. № 2 (4). P. 262—269.
9. Mindeli L.E., Chernykh S.I. (2017) *Zarubezhnyi opyt finansirovaniya nauki i vozmozhnosti ego ispolzovaniya v Rossii*

-
- [Foreign experience of science financing and the possibilities of its use in Russia]. Moscow: IPRAN, 72 c.
10. *Na frontakh ideologicheskikh bitv: Problemy ideologicheskoi borby na sovremennom etape / Pod red. Modrzhinskoi E.D.* (1979) [On the fronts of ideological battles: Problems of ideological struggle at the present stage / Edited by Modrzhinskaya E.D. and others.]. Moscow: Politizdat, 254 p.
 11. Nekrasov A.A. (2000) *Stanovlenie I osnovnye etapi razvitiya sovetologiy* [Formation and main stages of development of Sovietology: Text of lectures]. Yaroslavl: Yaroslavl state university, 68 p.
 12. Ortega-i-Gasset H. (1989) *Vosstanie mass* [Ortega y Gasset X. Revolt of the Masses]. In: *Voprosi filosofii* [Problems of philosophy]. №№ 3, 4.
 13. Ochkov M.S., Vurikhin E.A., Muromtseva V.M. (1976) *"Filantropicheskie" fondy – vaznoe ideologicheskoe oruzhie imperializma* ["Philanthropic" foundations as an important ideological weapon of imperialism.]. Moscow: Nauka, 103 c.
 14. Polyakov L.V. *Modernizatsiya sotsial'naya* [Social modernization]. In: *Elektronnaya biblioteka IF RAN. Novaya filosofskaya entsiklopediya* [Electronic library of IPh RAS. New philosophical encyclopedia]. Available at: iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/... accessed 10.12.2024).
 15. Fromm E. (1990) *Бегство от свободы* [Escape from freedom]. Moscow, 272 p.
 16. Fukuyama F. (1990) *Konets istorii?* [The end of history?]. In: *SShA: ekonomika, politika, istoriya* [The USA: economics, politics, history]. № 5. P.134-148.
 17. Hayek F. (2005) *Doroga k rabstvu* [The road to serfdom]. Moscow: Novoe izdatelstvo, 264 p.
 18. Huntington S. (2003) *Stolknovenie tsivilizatsii* [The clash of civilizations]. Moscow: ACT, 603 p.
 19. Arendt H. (1951) *The Origins of Totalitarianism*. N.Y., 502 p.
 20. Aron R. (1965) *Democratic et totalitarisme*. Editions Gallimard, 578 p.
 21. Hanson S.E. Sovietology, Post-Sovietology, and the Study of Postcommunist // *Demokratizatsiya*. 2003. 11 (1). P. 142-149.
 22. Rethinking the Soviet Collapse: Sovietology, the Death of Communism and the New Russia. / Ed. by M.Cox. -London and New York: A Cassell Imprint, 1998. 294 p.
 23. *Die Totalitarismus-Doktrin im Antikommunismus: Kritik einer Grundkomponente burgerlicher Ideologie*. Dietz Yerlag Berlin 1985. 256 S.
-